

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ДАФНЫ ДЮМОРЬЕ
в серии
«Азбука Premium»:

ПТИЦЫ
и другие истории

СИНИЕ ЛИНЗЫ
и другие рассказы

РАНДЕВУ
и другие рассказы

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Рандеву

и другие рассказы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
THE RENDEZVOUS AND OTHER STORIES

Copyright © Daphne du Maurier, 1980

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского

Л. Бриловой, А. Бродоцкой, Н. Жутовской, И. Комаровой,
Н. Рахмановой, Н. Роговской, А. Степанова, С. Сухарева

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки И. Кучмы

© Л. Брилова, перевод, 2016
© А. Бродоцкая, перевод, 2016
© Н. Жутовская, перевод, 2016
© И. Комарова, перевод, 2016
© Н. Рахманова, перевод, 2016
© Н. Роговская, перевод, 2016
© А. Степанов, перевод, 2016
© С. Сухарев, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО
«Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10247-7

Без видимых причин

Однажды утром примерно в половине двенадцатого Мэри Фаррен зашла в оружейную комнату своего мужа, взяла револьвер, зарядила его и затем застрелилась. Дворецкий услышал из буфетной выстрел. Зная, что сэр Джон уехал и вернется только к ланчу и в это время в оружейной быть никому не полагается, он отправился на разведку и увидел леди Фаррен в луже крови на полу. Она была мертва.

В ужасе он призвал на помощь экономку, и, посоветовавшись, они решили, что сперва он позвонит по телефону доктору, потом в полицию и в последнюю очередь самому сэру Джону, который был на заседании правления.

Доктору и полиции, которые появились вслед друг за другом с перерывом в несколько минут, дворецкий рассказал, что произошло; телефонное сообщение в обоих случаях звучало одинаково: «Несчастный случай с ее светлостью. Ее светлость лежит в оружейной комнате, голова прострелена. Боюсь, что она умерла».

Телефонное сообщение, призывающее домой сэра Джона, было сформулировано по-иному: «Сэра Джона убедительно просят поскорее приехать, с ее светлостью произошел несчастный случай».

Таким образом, объявить горестную весть вернувшемуся домой мужу досталось доктору.

Для доктора это была нелегкая, мучительная задача. Он знал Джона Фаррена много лет, и он, и Мэри были его пациентами. Более счастливой супружеской пары было не найти, оба с нетерпением ожидали появления на свет первенца этой весной. Никаких осложнений не предвиделось — Мэри Фаррен была спокойна, здорова и радовалась перспективе стать матерью.

Самоубийство казалось лишенным смысла. И однако, не подлежало сомнению, что это самоубийство. Мэри Фаррен наскоро написала три слова на блокноте, который положила на стол в оружейной комнате. Слова были: «Прости меня, любимый».

Револьвер хранился незаряженным. Со всей очевидностью, Мэри Фаррен достала его, зарядила и затем застрелилась.

Полиция согласилась с мнением доктора, что рана нанесена ее собственной рукой. Смерть, к счастью, наступила, судя по всему, мгновенно.

Сэр Джон Фаррен был убит горем. За те полчаса, что он беседовал с доктором и полицией, он состарился чуть не на двадцать лет.

— Почему, почему она это сделала? — повторял он в отчаянии. — Мы были так счастливы. Так любили друг друга. Мы ждали ребенка. Не было никаких причин, говорю вам, совершенно никаких.

Ни полиции, ни доктору нечего было возразить ему.

Последовали обычные формальности, произвели официальное дознание; как и предполагалось, вынесли вердикт: «Самоубийство при отсутствии данных, свидетельствующих о душевном состоянии покойной».

Сэр Джон Фаррен без конца обсуждал случившееся с доктором, но ни один из них не мог прийти к какому-либо заключению.

— Есть одна вероятность, — предположил доктор. — Бывает, что женщины во время беременности

на время теряют рассудок. Но вы бы заметили признаки помешательства, и я тоже. Вы же говорите, что и накануне вечером, и за завтраком она была такой, как всегда. Насколько вам известно, абсолютно ничто не тревожило ее.

— Абсолютно, — проговорил сэр Джон. — Мы завтракали вместе, как обычно. Строили планы на вторую половину дня: вернувшись с заседания, я собирался поехать с ней на прогулку. Она была в жизнерадостном настроении и всем довольна.

Слуги подтвердили его слова.

Горничная заходила в спальню к ее светлости в половине одиннадцатого, та разглядывала шали, доставленные по почте. Восхищенная искусной работой, леди Фаррен показала шали горничной и сказала, что на всякий случай оставит обе, розовую и голубую, — для девочки или для мальчика.

В одиннадцать явился коммивояжер от фирмы, производящей садовую мебель. Ее светлость приняла его и выбрала по каталогу два больших садовых кресла. Дворецкий потому знал об этом, что после ухода агента леди Фаррен показала каталог ему, когда он зашел узнать, какие будут распоряжения шоферу; ее светлость ответила: «Нет, до ланча я выходить не буду, а потом мы вместе с сэром Джоном поедем кататься».

Когда дворецкий уходил, ее светлость стоя пила молоко. Он был последний, кто видел ее в живых.

— Получается, — заключил сэр Джон, — что приблизительно между двадцатью минутами двенадцатого и половиной двенадцатого, когда Мэри застрелилась, она внезапно сошла с ума. Но это бессмысленно. Что-то должно было произойти в этот проклятый промежуток. И я обязан выяснить, что именно. Я не успокоюсь, пока не выясню.

Доктор всячески пытался отговорить его, но безуспешно. Сам доктор был убежден, что Мэри Фаррен в приступе помешательства на почве беременности покончила с собой, не сознавая, что делает.

И на этом следовало остановиться. Оставить все как есть. А там лишь время поможет Джону Фаррену забыть.

Но Джон Фаррен не хотел забывать. Он отправился в частное сыскное агентство и проконсультировался с детективом по фамилии Блэк, которого контора рекомендовала как надежного и тактичного человека. Сэр Джон рассказал ему о случившемся. Блэк, хитрый шотландец, сам говорил мало, но зато слушал внимательно. Лично он разделял мнение доктора и причину самоубийства видел во внезапном приступе помешательства вследствие беременности. Но, будучи работником добросовестным, он отправился в загородный дом сэра Джона, чтобы побеседовать с прислугой. Он задал много вопросов, которых не задавала полиция, поболтал с доктором, просмотрел всю корреспонденцию, приходившую на имя леди Фаррен в последние недели перед смертью, навел справки обо всех телефонных звонках и встречах с друзьями, но так и не нашел ответа на вопрос своего клиента.

Единственное разумное объяснение, какое родилось в его многоопытной голове, — что леди Фаррен ждала ребенка от любовника, — не подтвердилось. Все возможные проверки не дали никаких оснований для такого предположения. Супруги нежно любили друг друга и за все три года брака ни разу не расставались. Все без исключения слуги твердили об их глубокой привязанности. Не существовало никаких финансовых затруднений. Не обнаружил проникательный Блэк и неверности со стороны сэра Джона. Слуги, друзья, соседи — все превозносили его высокую нравственность.

Стало быть, жена застрелилась не оттого, что наружу вышла какая-то его вина.

На время Блэк зашел в тупик в своих поисках. Но не признал себя побежденным. Уж если он брался за расследование, то доводил его до конца. К тому же, хотя он успел всего навидаться и несколько очерстветь, душевные муки сэра Джона пробудили в нем чувство жалости.

— Знаете, сэр, — сказал он, — в подобных случаях часто приходится углубляться в чью-то жизнь и заглядывать дальше недавнего прошлого. Я осмотрел — с вашего разрешения — письменный стол вашей супруги до последнего уголка, перебрал все бумаги и письма, но не нашел ровным счетом ничего, что дало бы ключ к тому, что ее тревожило... если тревожило.

Вы рассказывали, что познакомились с леди Фаррен... тогда мисс Марш... во время поездки в Швейцарию. Она жила со своей больной тетужкой, мисс Верой Марш, которая ее вырастила, так как родители очень рано умерли.

— Все так, — подтвердил сэр Джон.

— Они жили в Сьерре, время от времени в Лозанне, и вы встретили обеих мисс Марш в доме общих знакомых в Сьерре. Вы подружились с младшей, а к концу пребывания там влюбились в нее, а она в вас, и вы сделали ей предложение.

— Все верно.

— Старшая мисс Марш не возражала, более того, была очень довольна. Вы с нею условились, что будете выплачивать ей сумму, позволяющую содержать компаньонку, которая займет место племянницы, и месяца через два-три вы обвенчались в Лозанне.

— Совершенно верно.

— Не было разговоров о том, чтобы тетужка переехала жить к вам в Англию?

— Мэри приглашала ее, так как была к ней очень привязана, но престарелая дама отказалась. Она так долго жила в Швейцарии, что опасалась английского климата и английской кухни. Между прочим, мы дважды навещали ее с тех пор, как поженились.

Блэк осведомился, получал ли сэр Джон какие-нибудь известия от тетушки уже после случившейся трагедии. Да. Он, разумеется, сразу же ей написал, да она и сама прочла сообщение в газетах. Новость привела ее в ужас. Она и вообразить не может, из-за чего Мэри вдруг покончила с собой. Всего за несколько дней до катастрофы в Сьерру пришло счастливое письмо, исполненное радости по поводу предстоящего рождения ребенка. Мисс Марш вложила его в свое письмо к сэру Джону. И теперь сэр Джон передал его Блэку.

— У меня сложилось впечатление, — заметил Блэк, — что тетушка с племянницей, когда вы с ними познакомились три года назад, вели уединенную жизнь.

— У них был небольшой домик, как я уже упоминал, а раза два в году они ездили в Лозанну, где снимали комнаты в пансионе. У тетушки было что-то с легкими, но не настолько серьезное, чтобы лечиться в санатории или еще где-нибудь. Мэри была преданнейшей из племянниц. Вот это и привлекло меня в ней прежде всего — ласковое, терпеливое обращение с тетушкой, которая, как многие немощные пожилые люди, нередко проявляла раздражительность.

— Стало быть, жена ваша, младшая мисс Марш, не очень-то часто бывала в обществе? Имела мало знакомых своего возраста и прочее?

— По всей видимости, так, но ее это как-то не волновало. Она была всегда всем довольна.

— И жила так с самого детства?

— Да. Мисс Марш была единственной родственницей Мэри. Она удочерила девочку, когда у той умерли родители. Мэри была тогда совсем еще дитя.

— А сколько лет было вашей жене, когда она вышла замуж?

— Тридцать один год.

— И никакой предыдущей помолвки, увлечения?

— Нет, ничего. Я, бывало, подсмеивался из-за этого над Мэри, но она уверяла, что не встретила никого, кто заставил бы хоть чуть-чуть забиться ее сердце. И тетушка подтверждала ее слова. Помню, мисс Марш сказала мне после того, как состоялась помолвка: «Редко можно встретить такую неиспорченную натуру. Мэри прехорошенькая, но об этом не подозревает, у нее чудеснейший мягкий характер, но и этого она не сознает. Вы счастливец». И я действительно был счастлив.

Сэр Джон устремил на Блэка такой страдальческий взгляд, что ко всему привычный шотландец с большой неохотой приступил к дальнейшим расспросам.

— Так, значит, это был брак по взаимной любви? — продолжал он. — Вы абсолютно уверены, что ваш титул и положение не сыграли тут роль приманки? Скажем, тетушка могла намекнуть племяннице, что такой случай упускать нельзя и другого такого жениха можно и не найти? В конце концов, женщинам свойственно думать о таких вещах.

Сэр Джон покачал головой:

— Возможно, мисс Марш и приходили подобные мысли, не знаю, но Мэри — нет. С самого начала я искал ее общества, а не наоборот. Если бы Мэри высматривала себе мужа, я бы заметил это сразу, как только мы познакомились. Сами знаете, какие попадаются хищницы. Моя приятельница, в чьем доме я впервые

встретил Маршей, предупредила бы меня, что у нее гостит девица за тридцать, которая охотится за женихом. Однако ничего подобного она не сказала. Она сказала: «Я хочу познакомить вас с очаровательнейшей девушкой, мы все в ней души не чаем и жалеем, что она ведет такую одинокую жизнь».

— Но вам не показалось, что она страдает от одиночества?

— Вовсе нет. Она была вполне довольна жизнью.

Блэк отдал обратно сэру Джону письмо от мисс Марш.

— Вы по-прежнему хотите, чтобы я продолжал расследование? — спросил он. — Вы не думаете, что проще бы решить раз и навсегда, что доктор прав и у леди Фаррен действительно случилось помрачение рассудка и она лишила себя жизни, не сознавая, что делает?

— Нет, — ответил сэр Джон, — повторяю — где-то таится разгадка трагедии, и я не отступлюсь, пока не найду ее. Вернее, пока вы не найдете. Для этого я и нанял вас.

Блэк поднялся со стула.

— Пусть будет по-вашему, — заключил он. — Раз так, я продолжаю поиски.

— И что вы намерены предпринять? — спросил сэр Джон.

— Завтра я лечу в Швейцарию.

Прибыв в Сьерру, Блэк явился в шале «Бон Репо»¹, вручил свою карточку и был проведен в небольшую гостиную, выходящую на балкон, откуда открывался превосходный вид на долину Роны.

¹ Bon Repos (фр.) — приятный отдых. — Здесь и далее — примечания переводчиков.

Какая-то женщина, видимо компаньонка мисс Марш, вывела его через гостиную на балкон. Блэк успел рассмотреть, что комната обставлена добротно и со вкусом, ничего из ряда вон выходящего, — типичная комната живущей за границей старой незамужней англичанки, которая не любит швыряться деньгами.

На каминной доске стояла большая фотография леди Фаррен, сделанная недавно, копия той, что Блэк видел в кабинете у сэра Джона. Еще одна стояла на бюро, тут леди Фаррен было, наверное, лет двадцать. Хорошенькая застенчивая девушка с длинными, длиннее, чем на последнем портрете, волосами.

Блэк вышел на балкон и представился старой даме в инвалидном кресле как друг сэра Джона Фаррена.

У мисс Марш были белые волосы, голубые глаза и твердые тонкие губы. Судя по тону, каким она обратилась к компаньонке, после чего та немедленно покинула комнату, ей нелегко было угодить. Впрочем, она, кажется, была неподдельно рада приходу Блэка и с большим участием справилась о сэре Джоне; она пожелала знать, выяснилось ли хоть что-нибудь, что могло пролить свет на случившуюся трагедию.

— К сожалению, ничего, — ответил Блэк. — Я, собственно, и приехал выяснить, что известно об этом вам. Вы знали леди Фаррен лучше, чем кто бы то ни было, лучше, чем даже ее муж. Сэр Джон надеется, что у вас есть какие-нибудь догадки на этот счет.

Мисс Марш удивленно подняла брови.

— Но ведь я уже писала сэру Джону и выразила свой ужас, свое полное недоумение. Я отослала ему последнее письмо Мэри ко мне. Разве он вам не говорил?

— Говорил, — ответил Блэк. — Я читал письмо. У вас есть и другие ее письма?

— Я сохранила все, — ответила мисс Марш. — Она писала мне регулярно, каждую неделю, после того как вышла замуж. Если сэру Джону угодно, я с удовольствием отошлю ему эти письма. Среди них нет ни одного, которое бы не дышало любовью к нему и гордостью и восхищением своим новым домом. Она сожалела лишь об одном — о том, что я не решаюсь покинуть свое жилище и навестить ее. Посудите сами — куда мне, такой развалине.

«Вид у тебя вполне крепкий, — подумал Блэк. — Может, просто не хотелось».

— Я вижу, вы с племянницей были очень привязаны друг к другу? — сказал он вслух.

— Я нежно любила Мэри, и она, смею думать, отвечала мне тем же, — последовал быстрый ответ. — Видит бог, я иной раз бываю придирчива, но Мэри словно и не тяготилась этим. У нее был прелестнейший характер.

— Вам жаль было расставаться с ней?

— Еще бы. Мне страшно ее не хватало и сейчас не хватает. Но, естественно, я прежде всего думала о ее счастье.

— Сэр Джон упоминал, что положил вам пособие, чтобы покрыть расходы на вашу теперешнюю компаньонку.

— Да. Он проявил щедрость. А вы случайно не знаете — пособие сохранится?

Голос прозвучал пронзительно.

Блэк решил, что первое его впечатление о мисс Марш как особе, отнюдь не пренебрегающей деньгами, по-видимому, было правильным.

— Об этом сэр Джон ничего не говорил. Убежден, что в случае отмены пособия вы получили бы извещение от него самого или от адвоката.

Блэк взглянул на руки мисс Марш. Они нервно постукивали по ручкам кресла.

— А в прошлом вашей племянницы, — спросил Блэк, — нет ничего, чем объяснялось бы самоубийство?

У нее сделался испуганный вид.

— Что вы имеете в виду?

— Предыдущую помолвку или неудачный роман?

— Помилуй бог, нет.

Странно. Она как будто испытала облегчение, когда он разъяснил свой вопрос.

— Сэр Джон был первой и единственной любовью Мэри. Видите ли, здесь у меня она вела уединенную жизнь. Вокруг было не очень-то много молодежи. Но и в Лозанне она не искала общества своих сверстников. И не от чрезмерной застенчивости или замкнутого характера. Просто ей была свойственна сдержанность.

— А школьные подруги у нее были?

— Пока она была маленькой, я занималась с нею сама. Позже, в Лозанне, став постарше, она проучилась несколько семестров в школе, но не жила там, а только посещала школу днем. Мы жили в пансионе, неподалеку. Помню одну-двух девочек, они заходили на чай. Но близких подруг у нее не было.

— У вас есть снимки тех лет?

— Да. Несколько штук. В одном из альбомов. Хотите посмотреть?

— Да, пожалуй. Сэр Джон показывал мне кое-какие фотографии, но, по-моему, среди них нет сделанных до брака.

Мисс Марш показала на бюро, стоявшее в гостиной, и велела выдвинуть второй ящик и принести ей

альбом. Он принес, и она, надев очки, открыла альбом, а Блэк придвинулся к ней вместе со стулом.

Они листали альбом, открывая страницу за страницей. Снимков было много, ни один не представлял особого интереса. Леди Фаррен одна. Мисс Марш одна. Леди Фаррен и мисс Марш с группой других людей. Их шале. Виды Лозанны. Блэк досмотрел альбом до конца. Разгадка скрывалась не здесь.

— Это все, что у вас есть? — спросил он.

— Боюсь, что все. Хорошенькая девушка, правда? Такие добрые карие глаза... Ужасно... Бедный сэр Джон.

— Детских фотографий, как я заметил, здесь нет. Только начиная лет с пятнадцати.

Последовала короткая пауза, затем мисс Марш произнесла:

— Да, да, у меня, по-моему, раньше не было фотоаппарата.

У Блэка был тренированный слух. Он с легкостью улавливал фальшь. Мисс Марш солгала. Что она хотела скрыть?

— Жаль, — заметил он. — А мне всегда интересно узнавать детские черты во взрослом лице. Я сам человек семейный. Нам бы с женой без детских альбомов нашего сынишки жизнь была бы не в жизнь.

— Да, непростительная глупость с моей стороны, не правда ли? — произнесла мисс Марш. Она положила альбом перед собой на стол.

— У вас, наверное, найдутся портреты, сделанные в ателье?

— Нет, — отозвалась мисс Марш, — а если и были, то куда-то затерялись. При переездах, сами понимаете. Сюда мы переехали, когда Мэри уже исполнилось пятнадцать. До этого мы жили в Лозанне.

— А вы удочерили Мэри, когда ей было пять лет, так, кажется, говорил сэр Джон?

— Да, около пяти.

Снова минутное замешательство, чуть заметно дрогнувший голос.

— А нет ли у вас фотографии родителей леди Фаррен?

— Нет.

— Как я понял, ее отец был вашим единственным братом?

— Да, единственным.

— Что заставило вас взять к себе племянницу?

— Ее мать умерла, и брат не знал, что с ней делать. Она была болезненным ребенком. Мы с братом решили, что это будет наилучшим выходом из положения.

— Брат, разумеется, выплачивал вам какую-то сумму на уход за девочкой и ее образование?

— Ну естественно. Иначе я бы не справилась.

И тут мисс Марш совершила оплошность. Не будь этой оплошности, Блэк, вероятно, оставил бы ее в покое.

— Вы задаете какие-то странные вопросы, мистер Блэк, не относящиеся к делу, — проговорила она, коротко и сухо вато рассмеявшись. — Не понимаю, какой интерес представляет для вас пособие, выплачиваемое мне отцом Мэри. Вы хотите знать, почему бедняжка Мэри лишила себя жизни. Этого же хочет ее муж, этого хочу я.

— Меня интересует все, имеющее хотя бы отдаленную связь с прошлым леди Фаррен, — возразил Блэк. — Видите ли, именно затем меня и нанял сэр Джон. Пожалуй, пора объяснить, что я не близкий друг сэра Джона, а частный детектив.

Лицо мисс Марш приобрело серый оттенок. Куда девалось ее самообладание? Она внезапно превратилась в перепуганную старуху.

— Что вы хотите у меня узнать? — спросила она.

— Всё.

У шотландца, надо пояснить, имелась излюбленная теория, которую он часто развивал перед директором агентства, где служил, — он считал, что на свете очень мало людей, кому не нашлось бы что скрывать. Сколько раз приходилось ему наблюдать мужчин и женщин, подвергавшихся в качестве свидетелей перекрестному допросу, и все они до единого боялись, боялись не вопросов, которые им задавали и которые могли пролить свет на расследуемое дело, они боялись, как бы при этом нечаянно не проговориться, не выдать собственный секрет, могущий бросить на них тень.

Блэк не сомневался, что именно в этом положении оказалась сейчас мисс Марш. Возможно, она ничего не знает о причинах самоубийства Мэри Фаррен. Но она знает за собой какую-то вину, которую всячески пытается утаить.

— Если сэр Джон узнал про пособие и считает, что все эти годы я обездоливала Мэри, обманывая ее, то приличия ради он мог сказать об этом сам, а не нанимать сыщика, — проговорила она.

«Те-те-те, — подумал Блэк. — Дайте старушке веревку, а уж она сама на ней повесится».

— Слово «обман» не произносилось, — ответил он, — но просто сэру Джону обстоятельства показались довольно странными.

Блэк бил наугад, но чувал, что результат может стоить того.

— Еще бы не странные, — подхватила мисс Марш. — Я старалась поступать, как считала лучше, и думаю,

что мне это удавалось. Клянусь вам, мистер Блэк, я очень мало денег брала для себя, большая часть шла на содержание Мэри, как мы и договаривались с ее отцом. Когда Мэри вышла замуж, и вышла, как выяснилось, удачно, я не сочла, что поступаю дурно, оставляя деньги себе. Сэр Джон богат, и Мэри без них обошлась бы.

— Я заключаю, — вставил Блэк, — что леди Фаррен ничего не знала о финансовой стороне дела?

— Ничего, — подтвердила мисс Марш. — Деньги ее никогда не интересовали, а кроме того, она думала, что целиком находится на моем иждивении. Неужели сэр Джон собирается возбудить против меня дело, мистер Блэк? Если он его выиграет, а в этом сомнений нет, меня ждет нищета.

Блэк поскреб подбородок, делая вид, что размышляет.

— Не думаю, чтобы сэр Джон имел такое намерение, мисс Марш, — проговорил он. — Но он хотел бы знать правду о том, что произошло.

Мисс Марш откинулась на спинку своего инвалидного кресла. Ни надменной осанки, ни негнущейся спины, — она выглядела усталой и старой.

— Теперь, когда Мэри умерла, правда уже не может повредить ей, — сказала она. — Дело в том, мистер Блэк, что она вовсе не племянница мне. Я получала большие деньги за то, что взяла ее на воспитание. Деньги должны были перейти к ней, когда она достигнет совершеннолетия. Но я оставила их себе. Отец Мэри, с которым у меня было письменное соглашение, к тому времени уже умер. Здесь, в Швейцарии, никто ни о чем не знал. Так просто было сохранить все в тайне. Ничего дурного у меня и в мыслях не было.

«Вот так всегда, — подумал Блэк. — Подвергни мужчину или женщину соблазну — и они ему поддадутся. При этом у них и в мыслях нет ничего дурного».

— Понятно, — сказал он. — Что ж, мисс Марш, не будем вдаваться в подробности того, что вы совершили и как потратили деньги, предназначенные леди Фаррен. Интересует меня следующее: если она не ваша племянница, то кто же она?

— Она единственная дочь некоего мистера Генри Уорнера. Вот все, что мне известно. Он не оставлял мне своего адреса, не говорил, где живет. Мне известен был только адрес его банкиров и филиала в Лондоне. Оттуда я получила четыре раза определенную сумму. Как только я взяла Мэри на свое попечение, мистер Уорнер отбыл в Канаду и умер там пять лет спустя. Банк уведомил меня о его смерти, а поскольку больше никаких известий я не получала, то сочла безопасным распорядиться деньгами по своему усмотрению.

Блэк записал себе в блокнот имя Генри Уорнера, и мисс Марш дала ему адрес банка.

— Мистер Уорнер не был вашим близким знакомым? — спросил Блэк.

— О нет. Я видела его всего дважды. В первый раз — когда я откликнулась на его объявление с номером абонентского ящика, где сообщалось, что требуется кто-то, кто на неопределенный срок возьмет на себя заботы о некрепкого здоровья девочке. В ту пору я была очень бедна и только что потеряла место гувернантки в английской семье, которая возвращалась в Англию.

В школу устраиваться мне не хотелось, и объявление это явилось настоящим подарком, особенно если принять во внимание щедрость суммы, которую отец собирался выплачивать за содержание девочки. Я по-

няла, что смогу отныне жить так, как, откровенно говоря, никогда не жила. Вряд ли вы станете осуждать меня за это.

К ней в какой-то степени возвращалась бывлая самоуверенность. Она бросила зоркий взгляд на Блэка.

— Я не осуждаю вас, — отозвался он. — Расскажите мне еще о Генри Уорнере.

— Я мало что могу рассказать. Он почти не интересовался мною и моей жизнью. Главное, на что он сделал упор, — Мэри останется со мной навсегда, он не имеет намерения забрать ее когда-либо к себе или переписываться с нею. Он уезжает в Канаду, объявил он, и разрывает все прежние связи. Мне предоставляется воспитывать его дочь, как мне заблагорассудится. Иными словами, он умывает руки.

— Бездушный тип? — вставил Блэк.

— Не то что бездушный. У него был озабоченный, замученный вид, как будто бремя ответственности за девочку оказалось ему не под силу. Жены его, видимо, не было в живых. Я спросила, что он имел в виду, говоря «некрепкого здоровья», мне не приходилось ухаживать за больными, и меня не прельщала перспектива очутиться с хворым ребенком на руках.

Он объяснил, что некрепкая не в физическом отношении. Несколько месяцев назад она стала свидетельницей страшной железнодорожной катастрофы и в результате шока потеряла память.

Во всех прочих отношениях она совершенно нормальна и разумна. Только не помнит ничего, что было раньше, до испытанного потрясения. Не помнит даже, что он ее отец. Поэтому-то он и хочет, сказал он, чтобы она начала новую жизнь в другой стране.

Блэк сделал пометки у себя в блокноте. Дело начинало приобретать какие-то очертания.

— Стало быть, вы согласились рискнуть — принять на себя пожизненные заботы о девочке, которая перенесла душевное потрясение? — спросил он.

Он не хотел, чтобы вопрос прозвучал саркастически, но мисс Марш уловила скрытую насмешку и покраснела.

— Я привыкла преподавать, иметь дело с детьми, — возразила она, — а кроме того, я ценю независимость. Я приняла предложение мистера Уорнера, но при условии, если девочка будет симпатична мне, а я ей. На вторую нашу встречу он пришел с Мэри. Невозможно было сразу не полюбить ее. Прелестное личико, большие глаза, мягкая, приветливая манера. Она показала мне совершенно нормальной, только немного инфантильной. Я поболтала с ней, спросила, не хочет ли она погостить у меня, она ответила, что хочет, и самым доверчивым образом вложила свою руку в мою. Я тут же дала согласие мистеру Уорнеру, и сделка состоялась. Он оставил Мэри у меня в тот же вечер, и больше мы его никогда не видели. Нетрудно было внушить девочке, что она моя племянница, ведь она не помнила ничего о прежней жизни и все о себе принимала на веру. Все прошло гладко.

— И с того дня память к ней ни разу не возвращалась, мисс Марш?

— Ни разу. Жизнь началась для нее в тот момент, когда отец передал ее мне в гостинице в Лозанне, да и, по правде говоря, для меня тоже. Я не могла бы любить ее сильнее, будь она и вправду моей племянницей.

Блэк проглядел свои записи и сунул блокнот в карман.

— Значит, вы не знаете о ней ничего помимо того, что она дочь некоего мистера Генри Уорнера?

— Ровно ничего.

— Она была просто маленькая пятилетняя девочка, потерявшая память.

— Пятнадцатилетняя, — поправила мисс Марш.

— То есть как? — переспросил Блэк.

Мисс Марш снова покраснела.

— Я и забыла, — сказала она. — Я ввела вас в заблуждение. Я привыкла уверять Мэри и всех других людей в том, что удочерила племянницу, когда той было пять лет. Так было гораздо проще для меня и для Мэри тоже, ведь она не помнила о себе ровно ничего до того дня, как стала жить у меня. На самом деле ей было пятнадцать. Теперь вы поймете, почему у меня нет домашних и никаких вообще детских фотографий Мэри.

— Теперь понимаю, — проговорил Блэк. — Что ж, должен поблагодарить вас, мисс Марш, вы мне очень помогли. Вряд ли сэр Джон поднимет вопрос о деньгах, ну а ваш рассказ я буду пока считать сугубо конфиденциальным. Что мне требуется узнать сейчас, это где жила леди Фаррен — Мэри Уорнер — первые пятнадцать лет своей жизни и как она их прожила. А вдруг это имеет какое-то отношение к самоубийству.

Мисс Марш позвонила компаньонке и велела проводить Блэка. Она еще не вполне обрела присущее ей самообладание.

— Мне всегда казалось странным одно обстоятельство, — добавила она. — По-моему, отец ее, Генри Уорнер, говорил неправду. Мэри не проявляла ни малейшего страха перед поездками, и, сколько я ни расспрашивала разных людей, никто не слышал о какой-нибудь серьезной катастрофе на железной дороге в Англии, да, собственно, и где бы то ни было в месяцы, предшествующие появлению у меня Мэри.

Блэк вернулся в Лондон, но не дал о себе знать сэру Джону, так как почел за лучшее подождать каких-нибудь более определенных результатов.

Ему показалось лишним открывать сэру Джону глаза на мисс Марш и обман с удочерением. Это еще больше расстроило бы сэра Джона, к тому же сам по себе этот факт, сделайся он вдруг известен его жене, едва ли вынудил бы ее к самоубийству.

Гораздо заманчивее было предположить, что леди Фаррен испытала потрясение, которое в мгновение ока рассеяло туман, окутывавший ее мозг в течение девятнадцати лет.

Задачей Блэка и было выяснить, что это было за потрясение. Очутившись в Лондоне, он первым делом направился в отделение банка, где имелся счет у Генри Уорнера. Блэк повидался с управляющим и объяснил свою миссию.

Выяснилось, что Генри Уорнер действительно переехал в Канаду, где женился вторично и впоследствии умер. Вдова прислала им письмо и попросила закрыть счет в Англии. Управляющий не слышал, были ли у Генри Уорнера в Канаде дети, не знал также адреса вдовы. Первая жена Генри Уорнера умерла задолго до его переезда. Да, управляющий знал, что оставалась дочь от первого брака. Ее удочерила некая мисс Марш, проживающая в Швейцарии. Ей регулярно выплачивались деньги, но выплата прекратилась, когда Генри Уорнер женился во второй раз. Единственной положительной информацией, полученной от управляющего, которая могла оказаться полезной, был старый адрес Генри Уорнера. А также деталь, которую Генри Уорнер утаил от мисс Марш, — что он духовное лицо и в ту пору, когда мисс Марш взяла к себе его

дочь, был викарием церкви Всех Святых в приходе Лонг-Коммон, Гемпшир.

Блэк ехал в Гемпшир, испытывая приятные предчувствия. Ему всегда становилось весело, когда узлы начинали распутываться. Это напоминало ему детство и игру в прятки. Любовь к неожиданностям в первую очередь и заставила его выбрать профессию сыщика, и он никогда не пожалел о своем выборе.

Он старался избежать предвзятости, но в данном случае трудно было не заподозрить в почтенном Генри Уорнере главного злодея в этой драме. Внезапно отдать психически нездоровую дочь совершенно чужой женщине, за границу, а затем прервать с ней всякую связь и уехать в Канаду — такое поведение казалось особенно бессердечным в священнике.

Тут пахло скандалом, и, если запах в Лонг-Коммон еще не выветрился спустя девятнадцать лет, нетрудно будет разнюхать, в чем скандал заключался.

Блэк остановился в местной гостинице, сделал вид, будто занимается описанием старинных церквей в Гемпшире, и, пользуясь тем же предлогом, написал вежливую записку теперешнему приходскому священнику, испрашивая разрешения зайти к нему.

Разрешение было даровано, и викарий, молодой человек, страстно увлеченный архитектурой, показал ему все закоулки церкви, от нефа до колокольни, и посвятил во все тонкости резьбы XV века.

Блэк вежливо слушал и помалкивал, скрывая свое невежество, а под конец незаметно свел разговор на предшественников викария.

К сожалению, нынешний викарий жил в Лонг-Коммон всего шесть лет и мало что знал об Уорнере, чей преемник перебрался потом в Халл, но слышал,

что Уорнер исполнял здесь должность священника двенадцать лет и жена у него похоронена на церковном кладбище.

Блэк осмотрел могилу и обратил внимание на надпись: «Эмили Мэри, возлюбленная супруга Генри Уорнера, покоящаяся отныне в объятиях Иисуса».

Отметил он также дату смерти. Мэри, ее дочери, было тогда, должно быть, десять лет. Да, викарий слышал, что Уорнер в большой спешке покинул приход и, кажется, переехал в Канаду. В деревне его, вероятно, многие помнят, в особенности старики. Быть может, здешний садовник помнит лучше других. Он служит при всех приходских священниках по очереди уже тридцать лет.

Насколько ему, викарию, известно, Уорнер не был ни историком, ни коллекционером и строительством церквей не интересовался.

Если мистеру Блэку угодно будет зайти к нему домой, то у него найдется много книг по истории Лонг-Коммон.

Мистер Блэк принес свои извинения и откланялся. Он выудил из викария все, что хотел. Он чувствовал, что вечер, проведенный в баре гостиницы, где он остановился, принесет куда больше пользы. И оказался прав.

Он больше ничего не узнал про резьбу XV века, но зато довольно много услышал про достопочтенного Генри Уорнера.

Викария в приходе уважали, но не слишком любили по причине его жестких принципов и нетерпимости. Он был не тот человек, к кому прихожане обращаются в беде: склонен обличать чаще, чем утешать. Ни разу он не зашел в бар при гостинице, ни разу подружески не пообщался с простым людом.

Известно было, что у него имеются личные средства и он не зависит от доходов, которые ему дает место викария. Он любил, когда его приглашали в немногочисленные богатые дома прихода, так как придавал значение положению в обществе, но и там он не пользовался симпатией.

Короче говоря, достопочтенный Генри Уорнер был нетерпимым, узколобым снобом, а такое сочетание человеческих качеств не украшает викария. Желу его, напротив, все очень любили и единодушно оплакивали, когда она умерла после операции раковой опухоли. Приятная, внимательная к людям, добросердечная была женщина, и маленькая дочка пошла в нее.

Очень ли горевала девочка после смерти матери?

Никто не помнил. Пожалуй, не очень. Она уехала в школу и домой наезжала только в каникулы. Коекто помнил, как она каталась по окрестностям на велосипеде, хорошенькая такая, приветливая. Садовник с женой — те оба, семейной парой, служили у достопочтенного Генри Уорнера, садовник и сейчас работает в доме приходского священника. Старина Харрис. Нет, он не бывает в баре по вечерам. Он член Общества трезвости. Живет в домике неподалеку от церкви. Нет, жена у него умерла. Он живет с замужней дочерью. Большой любитель выращивать розы, каждый год получает призы на местной цветочной выставке.

Блэк допил кружку пива и удалился. Вечер был еще ранний. Он сбросил личину описателя старинных гемпширских церквей и принял роль коллекционера гемпширских роз. Старого Харриса он застал в саду, тот курил трубку. Вдоль изгороди росли ряды роз. Блэк остановился полюбоваться ими. Завязался разговор.

Содержание

Без видимых причин. <i>Перевод Н. Рахмановой</i>	5
Паника. <i>Перевод С. Сухарева</i>	59
Прирожденный артист. <i>Перевод А. Бродоцкой</i>	72
Adieu Sagesse. <i>Перевод А. Степанова</i>	83
Сказка. <i>Перевод Н. Жутовской</i>	109
Рандеву. <i>Перевод И. Комаровой</i>	121
Пресвятая Дева. <i>Перевод Н. Жутовской</i>	165
Прима. <i>Перевод Н. Rogовской</i>	176
Эскорт. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	196
Любовник. <i>Перевод Н. Жутовской</i>	218
За закрытой дверью. <i>Перевод А. Степанова</i>	232
Оплошность. <i>Перевод И. Комаровой</i>	247
Ангелы и архангелы. <i>Перевод А. Степанова</i>	261
Доля секунды. <i>Перевод И. Комаровой</i>	275

Дюморье Д.

Д 96 Рандеву и другие рассказы / Дафна Дюморье ; пер. с англ. Л. Бриловой, А. Бродоцкой, Н. Жутовской и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-10247-7

В сборник «Рандеву» английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989) вошли рассказы, написанные в конце 1920-х — начале 1930-х годов и в десятилетие между 1937 и 1947 годом. Как и вся новеллистика Дюморье, эти четырнадцать историй поражают разнообразием сюжетов и жанров. Выдержанный в готической традиции «Эскорт» соседствует с театральными, в духе Чехова, «Примой» и «Прирожденным артистом»; психологический этюд «За закрытой дверью» — с поучительным анекдотом «Оплошность»; своеобразно обыгрывающие форму сказки или притчи «Пресвятая Дева», «Adieu Sagesse» и «Сказка» — с остросатирическими «Любовник», «Рандеву», «Ангелы и архангелы». Есть здесь и характерные для Дюморье по-хичкоковски напряженные истории: «Паника», «Без видимых причин» и «Доля секунды». Из всех перечисленных только два последних рассказа раньше уже издавались по-русски, остальные публикуются впервые.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ РАНДЕВУ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Ответственный редактор Наталия Роговская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.03.2016. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

VAUM1827401R